

Главные добродетели в сказках Салтыкова-Щедрина

Уничтожьте идеалы (хотя бы и мушкетеры), заставьте замереть желание лучшего, и вы увидите, как быстро закружится окружающая среда.
М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Есть у Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826-1889) сказка, которая называется “Добродетели и пороки”. Это его единственная сказка, где добродетели и пороки выступают как живые люди. В число первых попали Смиреномудрие, Смирение, Благодичие, Умеренность, Аккуратность, Воздержание, Непрелюбовствование и Галантерейное Обращение, а в число последних – Любострастие, Прелюбование, Вольномыслие, Мздоимство, Любоначалие, Уныние, Лжесвидетельство, Предательство, Сумудрие, Пустомыслие, Гордость, Человеченавистничество, Измена, Вероломство, Наушничество, Объединение, Ябеда, Распустство, Пьянство, Мордобитие и Ложь. Между добродетелями и пороками произошло существо среднего рода – Лицемерие – несчастный плод любви между Смирением и Любострастием. Оно оказалось способным примирить добродетели с пороками.

Селение Пороков оказалось многочисленнее, чем у Добродетелей. Тем более, что при перечислении последних “и проч.” отсутствует, а при перечислении первых оно повторяется несколько раз. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что “Пороки жили весело и ловко свои дела обделывали; а Добродетели жили посерее, но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились. А втихомолку между тем думали: “Вот кабы и нам, подобно Порокам, удалось хорошенькое дельце обделаты!”. Да, признать это сказать, под шумок и обделывали”. Кроме того, “пороков то шустрый был и на выдумки гораздый. Как пошёл он, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да в парчах, да в шельках по белу свету цеголять — Добродетели-то за ним и не поспели”. Не поспели, стало быть, они за Пороками и в плодovitости.

Нельзя также не учитывать и тот немаловажный факт, что Салтыков-Щедрин был сатириком, а следовательно, на пороки у него был глаз наметан больше, чем на добродетели. Но отсюда не следует, что в его сказках нравственные идеалы отсутствуют. Однако, поскольку пороки в них явно преобладают над добродетелями, неизбежно выяснится, какие же добродетели в них выдвинуты на первый план, какие из них он считал главными.

...Естественно, что в сказках Салтыкова-Щедрина мы не найдём такого списка. Но если охватить мысленным взором все его сказки (в его 10-томное собрание сочинений включено 32 сказки), то мы всё-таки обнаружим нравственные приоритеты их автора. В его сказках на первый план выдвинуто только две добродетели — *совесть и правда*.

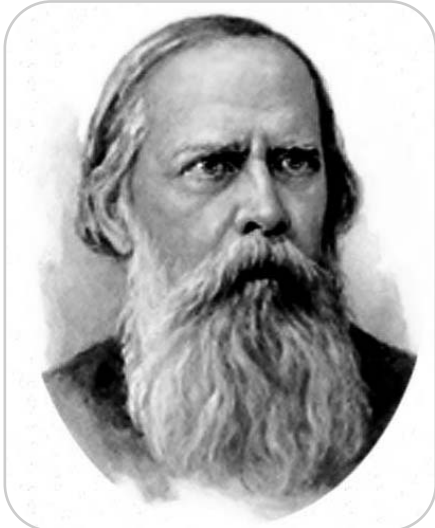
СОВЕСТЬ. На передний план эта добродетель выдвинута, по крайней мере, в двух сказках Салтыкова-Щедрина — “Пропаля совесть” и “Бедный волк”. Но, разумеется, вскользь она

упоминается и в некоторых других сказках. Так, она упоминается в “Вяленой волбе”. В ней говорится, в частности, о том, как трудно живётся людям с лишний совестью и как легко — без совести: “Лишняя совесть наполняет сердца робостью, останавливает руку, которая готова камень бросить, шепчет судье: “Проверь самого себя!”. А ежели у кого совесть, вместе с прочей требухой, из нутра вычистили, у того робости и в заводе нет, а зато камней — полна пазуха”.

В сказке “Пропаля совесть” совесть

Чем мир спасётся?

выступает как её главный герой. Правда, этот герой имеет жалкий вид: его, как тряпку, выбросили на дорогу. Лежала там совесть “истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пешеходов. Всякий швырял её, как негодную вещь, подальше от себя; всякий удивлялся, каким образом в благоустроен-

ном городе, и на самом бойком месте, может валяться такое вопиющее безобразие”. Может быть, людям от этого стало хуже? Ничего подобного!

Как и в “Вяленой волбе”, пропажа совести в сказке “Пропаля совесть” расценивается людьми как благо: “Пропаля совесть. По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга; по-старому суетились и ловили на лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдруг стало недоставать и что в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка. Многие начали даже чувствовать себя богаче и свободнее. Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее лыстать, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую болельесть вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — всё, казалось, так и отдавалось им в руки, — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести”.

Какой же оказалась судьба совести, выброшенной на улицу? Слава богу, нашёлся какой-то пьянчужка, который подобрал её, но сразу же его стали мучить угрозыния совести. Вот почему он

подсунул её новому владельцу. Поочерёдно совесть перемещается от пропойцы к хозяину питейного заведения, вору и финансисту. Каждому из них она не в милость. Вот почему каждый норовит от неё побыстрее избавиться.

Особенно тяжко пришлось финансисту Самуилу Давыдычу Бржозскому. Когда он получил конверт с совестью, его стало корёжить.

“Едва взял Самуил Давыдыч в руки конверт, как заматался во все стороны, словно угорь на угольях.

— И сто же это такое! и зачем мне эта

задушу?”. На Топтыгина эти слова произвели сильное впечатление. Он только и сумел ему сказать: “Да ты бы хоть полегче, что ли...”.

Любопытна здесь позиция автора сказки. В самом начале мы читаем у него о волке: “...ничего он, кроме мясного, есть не может. А чтобы достать мясную пищу, он не может иначе поступать, как живое существо жизни лишиться. Одним словом, обязывался учинить зло-

Валерий
ДАНИЛЕНКО

действие, разбой. Не легко ему пропитание его достаётся. Смерть-то ведь никому не сладка, а он именно только со смертью ко всякому лезет. Поэтому кто посильнее — сам от него обороняется, а иного, который сам защититься не может, другие обороняют”.

Уж не серьёзь ли Михаил Евграфович поддался здесь чарам социал-дарвинизма? Этот вывод поспешен. Он говорит здесь устами волка, а не своими собственными. Обнаружить здесь у него хоть осколки социал-дарвинизма не позволяет основная идея сказки “Бедный волк”. Эта идея заключается в том, чтобы показать, что совесть может проснуться даже в волчьем положении. Вот почему его бедный волк добровольно ради неё идёт на смерть. В результате волк в этой сказке оказался лучше людей, описанных в сказке “Пропаля совесть”, где не нашлось ни одного человека, который бы оставил у себя совесть.

ПРАВДА. Ещё до написания сказок в 1883-1886 годах Салтыков-Щедрин поместил в шестую главу своей книги “За рубежом” свой сказочный сон, который оформил в виде прерванной сцены, названной им “Горжествующая свинья, или разговор свиньи с правдою”. В этой сцене он даёт такой портрет правды: “Особа, которой, по штату, полагаются быть вечно юною, но уже изрядно побитая. Прикрыта, по распоряжению начальства, лохмотьями, сквозь которые просвечивает классический полный мундир, то есть нагота”. Правда здесь, как видим, изображается в виде жалкой девицы. Ведущая роль в её разговоре со свиньей принадлежит ей, а свинье. Этому способствует и обстановочка: он происходит в хлев.

Свинья задаёт, в частности, такой вопрос: “Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаковы всех должные обеспечивать, потому-де что, в противном случае, человеческое общество превратится в хаотический сброд враждующих элементов... Об каких это законах ты говорила? По какому поводу и кому в поучение, сударыня, разглагольствовала? ась”.

На большинство вопросов свиньи правда не отвечает, отделиваясь возгласом: “Ах, свинья!”. Но, по крайней мере, на один вопрос она сумела свинье ответить. “Где корень зла?” — спрашивает свинья. Правда (*растерянная*): “Корень зла, свинья? корень зла... корень зла... (*Решительно и неожиданно для самой себя*). В тебе, свинья”.

Сон автора, тем не менее, оканчивается для правды весьма печально: её чавкает свинья под улюлюканье счаст-

ливой публики. Одно утешение: на этом сон обрывается. Поэтому нам не дано узнать, съела свинья правду или не съела. Но мы догадываемся, что ей это не удалось сделать. Вот почему она появляется в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина в новом обличье. Это происходит в сказках “Ворон-челобитчик” и “Рождественской сказке”.

В сказке “Ворон-челобитчик” Салтыков-Щедрин употребляет слово “правда” в значении “справедливость”. Это вполне соответствует этимологическому духу русского языка. Ворон в этой сказке — борец за правду-справедливость. “Всё сердце у старого ворона изболело. Истребляют вороний род: кому не пень, всякий его бьет. И хоть бы ради прибытка, а то просто ради потехи. Да и само воронье измалодушничалось”.

Преодолев собственное малодушие, ворон летит искать правду-матку к ястребу, кречету и коршуну. Из уст первого из них он услышал: “Ты говоришь, что копчики корм у вас на лету отнимают, что я сам, ястреб, ваши гнезда разоряю, что копчики корм у вас на лету отнимают. Что ж: вы кормитесь хотите — и мы кормиться хотим. Кабы вы были сильнее — вы бы нас ели, а мы сильнее — мы вас едим. Ведь это тоже правда. Ты мне свою правду объявлял, а я тебе — свою; только моя правда воочию совершается, а твоя за облаками летает. Понял?”.

Дряхлый коршун продолжил мысль ястреба о плюрализме мнений: “Жестокое тебе слово ястреб сказал, но правильное. Хороша правда, да не во всякое время и не на всяком месте её слушать пригоже. Иных она в соблазн ввести может, другим — вроде укоризны покажется. Иной и рад бы правде послужить, да как к ней с пустыми руками приступиться! Правда не ворона — за хвост её не ухватишь. Посмотри кругом — везде рознь, везде свара; никто не может настоящим образом определить, куда и зачем он идет... Оттого каждый и ссылается на свою личную правду”.

На заканчивая свою речь коршун сладкими словами о единой правде — правде для всех: “Но придёт время, когда всякому дышанию сделаются ясными пределы, в которых жизнь его совершаться должна, — тогда сами собой исчезнут распри, а вместе с ними расеются как дым и все мелкие “личные правды”. Объясняет настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придёт и весь мир осияет. И будем мы жить все купе и влюбое. Так-то, старик!”. “Жаль в это время прекрасное, — добавлю я от Некрасова, — жить не придётся ни мне, ни тебе”.

О зловещих последствиях разнужданного плюрализма мнений нам поведал в притче “Правда” Алексей Константинович Толстой; притча была написана в 1888 году. Вот как её автор обрисовал правду:

*Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живёт?*

*И подыхали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.*

Речь, как видим, идёт о том, что каждый из семи братьев увидел правду со своей стороны. Чем же обернулась эта

односторонность? Чем обернулся их плюрализм взглядов? Кривавой бойней: *Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину;
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему.*

*И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубясь, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Поелети за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.*

Вот вам и плюрализм мнений! Вот вам и “у каждого своя правда!” “У каждого своя правда” — это не что иное, как отсутствие мировоззренческого единства. Это разброд и шатание, которое может обернуться кровавой бойней. Между тем правда в идеале, как вещал коршун в сказке Салтыкова-Щедрина “Ворон-челобитчик”, для всех одна.

Неожиданным оказалось у Михаила Евграфовича введение правды в “Рождественскую сказку”. Неожиданным для атеистических убеждений её автора. Он вкладывает здесь правду в уста батюшки. В своей проповеди он сказал: “В чём же заключается Правда, о которой я беседую с вами? На этот вопрос отвечает нам евангельская заповедь. Прежде всего, любви Бога, и затем любви ближнего, как самого себя. Заповедь эта, несмотря на свою краткость, заключает в себе всю мудрость, весь смысл человеческой жизни”. Эти слова запали в душу маленького Серёжи. Но он заболел и умер — со словами: “Мама! смотри! ясь в белом... это Христос... это Правда... За ним... к нему...”.

Как понимать финал этой сказки? Видимо, его надо понимать так: нет правды на земле, она — в небесах, у Бога.

Если освободить правду, выраженную в последней сказке Салтыкова-Щедрина, от религиозной формы, то она должна звучать так: “Люби ближнего”. А если этот ближний окажется похожим на майора Топтыгина, который, как только появился в своём воеводстве, как сразу же чирикал съел? А если этот ближний похож на шуку, которая съела карася-идеалиста? Именно он собрался эту шуку до седьмого пота прошибить правдой. Например, такой: “Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а жидущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетённым, оно освобождало от цепей и оков, оно пробуждало в сердцах плодотворные чувства, оно давало ход парениям ума”.

Так в чём же правда? Высшая правда заключена в смысле человеческой жизни. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин видел её прежде всего в том, чтобы открывать людям глаза на мир, в котором они живут. Он делал это блестяще. Об этом, в частности, свидетельствуют его бессмертные сказки. Из них следует, что мир спасётся совестью и правдой.

(Полная версия на сайте denlit.ru)

Из книги “Игорь-Северянин”

Как возник этот загадочный псевдоним “Игорь-Северянин”? И что означают эти соединённые дефисом имя и прозвище-фамилия? Известны писательские сложные псевдонимы: Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой, когда к фамилии добавляется какое-то прозвище. Но соединение через дефис имени и прозвища в нашей литературе не встречалось.

К самим псевдонимам юный Игорь тянулся чуть ли не с первых стихов. К примеру, ещё в сентябре 1905 года после написания стихотворения, посвящённого смерти его любимой поэтессы Мирры Лохвицкой “Певца страсти” (Памяти Мирры Лохвицкой), юный поэт решил подписать его “князь Олег Союволский”. Очевидно, титул князь добавил себе Игорь из своей тяги к аристократизму, а вот Союволский — говорило о всё той же тяге к русскому Северу, именно там, в имении череповецких родственников поэта Соювола, где он прожил несколько лет, увезённый отцом от матери после их развода, Игорь и полюбил северную природу, полюбил на всю жизнь рыбалку, одиночество в лесу.

Позже этим же псевдонимом Игорь подписывал и стихи в сборнике “Мимоза”, в частности стихотворение “Призрак отца”, посвящённое годовщине его смерти. Да и имя Игорь, скорее всего, взято из древних преданий. Имя Игорь было дано ему по святам, в честь святого древнерусского князя Игоря Олеговича, вот и вспомнил его Олег.

Число псевдонимов росло. Стихи, посвящённые Дальнему Востоку, где Игорь некоторое время жил с отцом, он подписывал “Квантуец”, любовные стихи оторгнутого юнца, посвящённые кузине Лиле, коварно вышедшей замуж, он подписал “Изнанник”. Самый нелепый и вычурный стал его каламбурный псевдоним Граф Евграф Д'Аксанграф, которым он подписал своего эпиграмму на контр-адмирала князя Ухтомского.

Но со временем ему захотелось в противовес обыденности определить некий индивидуальный знак, заявляющий о нём самом и его стиле.

Мой друг, самый лучший знаток творчества Северянина, Михаил Петров со следовательской дотошностью пришёл к выводу: “Поэт старшего поколения Константин Фофанов, с которым молодой поэт Игорь Лотарёв был знаком с 20 ноября 1907 года по день его смерти — 17 мая 1911 года, внушил ему идею личной творческой гениальности. Он внушил молодому человеку также и то, что ум поддается тиражированию, поэтому ум есть достояние толпы, а индивидуальностью обладает только безумие, поэтому безумие и есть удел гения. В этом есть какая-то своя логика, которую при всей её парадоксальности нельзя не признать за логику.

С темой гениальности тесно связан псевдоним Игоря Лотарёва, придуманный не без деятельного участия Константина Фофанова. Псевдоним Игоря Лотарёва в творческой биографии поэта символизирует переход от эпохи ученичества к эпохе мастерства. Если юношеские

псевдонимы Игоря Лотарёва “Мимоза”, “Игла” и “Граф Евграф Д'Аксанграф” — это ещё неотъемлемая часть ученического процесса, даже игры в поэта, то псевдоним “Игорь-Северянин” — это уже акт инициации Поэта с большой буквы. Игорь-Северянин — это уже зрелый, опытный мастер. Профессор С.А. Белковский в работе “Инициация взросления в различных культурах” отмечает: “Инициация была одним из ритуалов перехода”, сопровождающих наиболее значимые социально-личностные изменения в жизни человека: рождение, взросление, брак, зрелость, смерть и пр. Выражение “ритуал перехо-

История псевдонима

да” показывает, что человек перешёл с одного уровня своего опыта на другой. Совершение ритуала перехода говорит о социальном признаваемом праве на изменение или трансформацию — праве вступить на новый уровень своего развития. Как бы сдать экзамен на новый уровень своей личностной и социальной зрелости и получить новые инструкции для правильного прохождения новой стадии жизни. Институт “инициации” очень древен, его находят в самых архаических культурах”.

(Инициация поэта в связи с его новым самоназванием представляет собой отдельную проблему, которая не является темой настоящего исследования, и затронута здесь постольку, поскольку объясняет некоторые существенные моменты биографии.)

Современники поэта — издатели, журналисты и критики воспринимали форму написания псевдонима либо как проявление безграмотности его носителя, либо как проявление излишнего, запредельного для общества индивидуализма — игры в социальность. Поэтому ещё при жизни поэта сложилась практика опроения псевдонима и написание его в форме имени и фамилии — “Игорь-Северянин”. Вытравление дефиса из псевдонима поэта — суть проявление остатков древнего магического сознания. Ритуальная кастрация литературного имени как бы даёт критику, редактору, журналисту определённую власть над его носителем. Если современное литературоведение не идёт далее травления из псевдонима дефиса, то журналистика и публицистика довершают процесс кастрации, доводя его до логического завершения — “Северянин” или трансформируют имитацию имени и фамилии в полное гражданское имя — “Игорь-Басильевич-Северянин”.

Знание подлинного имени даёт магу (колдуну, ведьме) власть над его носителем. С этой точки зрения, псевдоним Игоря Лотарёва выполняет функции оберега...”.

Может быть, и задумывался молодой поэт о своём обереге, а может, и слов таких не знал, взял себе новое самоназвание и только. Но поэт был кем угодно, только не сектантом, не начётником, и легко шёл навстречу условиям жизни. Он до конца жизни оставил свой новый родовой знак “Игорь-Северянин”, но, понимая, как трудно говорить про игорь-северянинские стихи, учитывая читательское восприятие севе-

рянинской поэзии, он легко соглашался с издателями Сергеем Соколовым из “Грифа”, Викентием Пашуканисом, убирающими этот дефис из издаваемых ими сборников Игоря Северянина. “Громко-кипящий кубок”, “Златолира” в издании Грифа, а также последовавшие за ними сборники “Анафасы в шампанском” и “Victoria Regia” в издательстве “Наши дни” вышли в свет без дефиса. То же самое с “Громкокипя-

Владимир
БОНДАРЕНКО

щим кубком” у Пашуканиса, что не помешало самому Северянину дать в этом сборнике фотографию с чётким автографом “Игорь-Северянин”.

Михаил Петров протестует: “Дореволюционная критика и журналистика вкупе с издателями никак не могла смириться с дефисом в псевдониме и упорно воспроизводила псевдоним в виде имени и фамилии...”. И ещё резче: “Дико читая литературоведческие статьи и публицистику, в которой поэта именуют Игорем Васильевичем Северяниным. Подобные ляпысы встречается в изрядном количестве, и они отнюдь не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд...”.

Но ведь и сам поэт в порыве поэтического вдохновения забывал о изобретённых им правилах писания псевдонима. Никакие, даже им самим придуманные правила, не довели над ним. “Я — соловей: я без тенденций и без особой глубины, я так бессмысленно чудесен, что смысл склонился предо мной...”.

Вот потому и я, сохраняя уважение к придуманному поэтом родовому знаку, книгу свою назвал “Игорь-Северянин” через дефис, но далее, согласно творческой воле самого поэта пишу о северянинской жизни и северянинской поэзии, уклоняюсь от неудовобоимой для массового чтения “Игорь-северянинщины”. Примерно такое же жизненное уклонение от придуманных правил мы видим и в случае с Максимом Горьким, тоже являющимся единым псевдонимом. Но мы знали горю Горький, а не Максим Горький, и даже смело пишем в его биографиях Алексей Максимович Горький, вроде бы такая же нелепика, как и Игорь Васильевич Северянин, но не будем же мы писать Игорь Васильевич Игорь-Северянин? А сами фамилии, что Пешков у Горького, что Лотарёв у Северянина давно уже вышли из литературного употребления. С чем соглашались и сами авторы.

О северном псевдониме юный поэт задумывался ещё живя на севере, в череповецком глуши, то ли Игорь Судский (от реки Суды, воспе той им в стихах), то ли Игорь Союволский (от имени Соювола на той же реке Суды), продолжал поиски псевдонима и живя в Порт-Артуре и Дальнем, но окончательно обрести свой псевдоним ему помог его старший учитель и литературный кумир поэт Константин Фофанов, живший неподалеку от северянинской Гатчины в

мызе Иванова. Поэт частенько зимой прибегал к нему в гости на лыжах. Как пишет сам Северянин: “Лыжный спорт с детства — один из моих любимых, и на своих одиннадцатифутовых норвежских беговых лыжах с пружинками ход американскими “хомутиками” я пробегал большие расстояния...”.

После одного и таких зимних посещений Фофанова стареющий поэт и написал своему юному другу:

*Я видел вновь весны рожденье,
Весенний плеск, весёлый гул,
Но прочитал твои творенья,
Мой Северянин, — и заснул...
И спало всё в морозной неге —
От рек хрустальных до высот,
И, как гигант, мелькал на снегах
При лунном свете лыжеход...*

В нём поэт назван и лыжеходом, так как прибегал в гости на лыжах, и Северяниным, так как откровенно поклонялся русскому Северу. Из этих определенных поэт естественно выбрал Северянина, и стал им. Было это в конце 1907 года, ибо уже в декабре 1907 года Игорь послал своему старому другу и наставнику отпечтанную визитную карточку, где было написано: “Игорь-Северянин. Сотрудник-ритмик периодических изданий. С.-Петербург. Средняя Подъяческая, д.5”.

Конечно же, словосочетание Игорь-Северянин говорило прежде всего о важнейшем значении Севера в жизни и творчестве поэта. И пусть остаётся для тонких любителей поэзии и оберегателей всех пожеланий поэта авторский вариант “Игорь-Северянин”, но в поэтическом мире уже навсегда, с ведома самого поэта останется написание без дефиса Игорь Северянин.

Пусть для ценителей глубиной мифологии Северянина и останутся в силе утверждения Михаила Петрова: “Псевдоним “Игорь-Северянин” равнозначен формуле “я — гений”. Тандем в известном смысле представляет собой основную мифологию поэта. Под мифологией мы понимаем в данном случае устойчивое состояние индивидуальной психофизиологии, в котором зафиксированы каноны существующего для поэта порядка вещей, а также описания того, что для него существует или имеет право на существование. То, чему поэт отказывается дать название, перестаёт для него существовать в реальности и наоборот, то, что им названо, получает право существовать самостоятельно, право быть вне мифологии поэта. Псевдоним — суть особая мифология, но и в усечённом виде она фиксирует основной порядок вещей и служит концептуальным обоснованием взаимодействия поэта с обществом. В некотором смысле люди, реализующие собственный мифологему, живут в ней и поэтому нечувствительны к реальности...”.

Скорее всего, так оно и было, и поэт явно не обращал внимания на реальность, жил по своим мифологическим законам. Допуская проникновение реальности (даже в виде уничтожения дефиса) в окружающую его жизнь. Это заметно по его самоназванию 1940 года: “Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотарёвым о своём 35-

летнем юбилее”. В этом важном для понимания поэта самоназвании используются все три его обозначения, и Игорь Лотарёв, и Игорь-Северянин, и Игорь Северянин. Игорь не забывает о своём мифическом придуманном знаке, но смиряется с мнением читателей как реальной необходимости для завоевания поэтической славы, уважает принимающих и радующихся поэту Северянину.

Игорь Лотарёв — это его реальная биография, его семейная жизнь, даже его эстонская жена послереволюционных лет Фелисса Круут стала Лотарёвой, а не Северяниной.

Игорь-Северянин — это его осознанная маска, его индивидуальный облик северного рыцаря. А просто Игорь Северянин — это тот самый Король поэтов. Я согласен с Михаилом Петровым, что дефис и на самом деле имеет значение, только в разную сторону. Игорь-Северянин с дефисом не смог бы стать в революционной Москве 1918 года Королём поэтов. Да и в тяжёлый период голодной жизни в Эстонии 1940 года ему тоже не до дефисов. Вот отрывки из того трагического самоназвания:

“Комната выдержана в апельсиново-бежево-шоколадных тонах. Два удобных дивана, маленький письменный стол, полка с книгами, несколько стульев вокруг большого стола посередине, лонг-шэз у жарко натопленной палевой печи. На стенах — портреты Мирры Лохвицкой, Бунина, Римского-Корсакова, Рахманинова, Рериха; в углу — бронзовый бюст хозяина работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска. Игорь Северянин сидит в лонг-шэзе, смотрит неотрывно на Нарову и много курит.

Я говорю ему?

— Итак, уже 35 лет, как вы печтаетесь...

— О, нет, они никого не любят, не ценят и не знают. Им сказали, что надо читать, и они слушаются. Они больше интересуются изменами Натальи Николаевны, дурным характером Лермонтова и нецензурными эпиграммами двух гениев. Я как-то писал выдающемуся польскому поэту Казимиру Вежинскому: “Русская общественность одну рукою воскрешает Пушкина, а другою умерщвляет меня, Игоря Северянина”. Ибо равнодушие в данном случае равняется умерщвлению...”.

— Ещё один вопрос, — сказал я, поднимаясь, — и, извините, несколько, может быть, нескромных. Вы изволили заметить, что больше почти не пишете стихов. На какие же средства вы существуете? Даже на самую скромную жизнь, какую, например, как я имел возможность убедиться, вы ведёте, ведь всё же нужны деньги. Итак, на какие же средства?

— На средства Святого Духа, — бесстрастно произнёс Игорь Северянин”.

Впрочем, разное написание псевдонимов, это тоже — продолжение его поэтических масок. И пусть читатель сам выберет, кто ему ближе: поэт Игорь-Северянин, или же поэт Игорь Северянин. А кто-то предпочтёт и Игоря Лотарёва?

... Сам же Игорь-Северянин подписывал до конца жизни свои книги и письма через дефис: как второе имя, а не фамилия.

(Полная версия на нашем сайте denlit.ru)